

Наступивший век несет с собой новую реальность и новые вызовы. Он станет веком молодых – тех, кто сейчас только начинается. Люди, о которых мы сегодня рассказываем, не просто продолжатели известных фамилий – возможно, именно они будут определять петербургское лицо XXI века.

общая газ – 2002 – 9 янв – с 14

Алексей Герман, дебютант

Набираю петербургский номер Германа и Кармалиты.

– Алло! – откликается хмурым голос.

– Можно Алексея?

– Какого? – цедит голос мрачно.

– Младшего.

– Это я! – ликующе отзывается трубка.

Договариваемся встретиться в вестибюле «Ленфильма». Алексея Алексеевича Германа, в обиходе Лешку-младшего, мне за последние годы приходилось видеть несколько раз, и всегда удивляла самостоятельность его облика. Сумрачный, худой мальчик с короткой стрижкой лаконично здоровался, односложно отвечал, испарялся. Ни на одного из родителей похож не был.

...Через турникет студии прошла мне навстречу точная копия великого Германа минус сорок лет. Специализированный комбинезон, надетый для съемок на Финском заливе, делал толстым, а шаркающая походка, длинные, всклокоченные волосы и шумные манеры довершали сходство. Вчерашний замкнутый мальчик сегодня вел себя как человек, на плечах которого держится мир. Так оно, в сущности, и есть – на его, режиссера и сценариста, плечах держится мир картины, которую он снимает, четвертой за последние пять лет.

Мы садимся в крохотном, прокуренном кабинете и разговариваем обо всем.

После школы вначале поступил на театроведческий.

– Но понял, что надо бежать, когда ощутил, что получаю удовольствие, сидя в архивах. Немужское занятие. К тому же у меня есть страсть к роскоши. Я люблю хорошие машины и прочее.

Во ВГИКе снобизм наоборот: если у тебя две пары ботинок, ты уже

виноват, и если не провинциал – тоже. У меня был сокурсник, который, напиваясь, вставал на колени и кричал: «Ну, ударь меня, ударь – я из Иванов!»

В процессе окончательного становления личности Германа-младшего решающую роль сыграл фильм «Хрусталеv, машину!». Вместо того чтобы переехать в Москву, в свежеекупленную квартиру на Таганке, родители остались в Петербурге, в мансарде на Кронверкском, доснимать, монтировать и озвучивать многотрагедийную картину. А Лешка-младший, вольготное располжись в новых хоромах, за это время вырос и окончил мастерскую Соловьева во ВГИКе.

На втором курсе снял десятиминутную работу, которая выиграла мастер-класс у Кустурицы и должен был ехать к нему учиться.

– Но там началась война, и все накрылось. Фильм назывался «Знамя», про музыканта Арамчика, которого выгнали из оркестра...

Второй фильм был пятнадцать минут. Про художника Диму, который хотел уйти от жены, но не смог...

Третий мой фильм «Дурачки»...

И он довольно внятно доказывает: на сей раз природа решила не отдыхать, Герман-младший талантлив. Само собой, не свободен пока ни от отцовского влияния, ни от воздействия Феллини, но рассказанная им история нелепо-трогательных людей чиста и странно красива, без тени красоты.

Нынешний фильм – о двух заблудившихся в России 43-го года немцах, один из них врач, другой почтальон.

– Два интеллигента, невоенных и немолодых, пытаются куда-то выйти... Бог спасает их раз, два, три, но так они куда и не выходят...

Прошу его оценить историческую роль семьи.

– Всем обязан. Меня не третируют.

Я рос спокойно, лишенный фортепьяно, уроков рисования. Родители любили и любят, собственно, больше ничего и не надо.

Герман-младший задирист.

– Почему надо снимать фильм про Бунина, про личность такого масштаба, если ты никак этому масштабу не соответствуешь? Глупо!

Снисходителен.

– Сначала папа кричит, что он уходит. Потом я кричу, что я ухожу. Никто никуда не уходит, некоторое время мы друг с другом не разговариваем, потом нас мама мирит. Я не самый сильный человек на свете и понимаю: если уйду, папа будет нервничать, плохо себя почувствует, а я буду нервничать из-за этого, потому что я папу люблю.

Самоироничен.

– Я – мальчик закомплексованный: покомандовать люблю, мне нравится, когда все вокруг меня бегают. Но я стараюсь так себя вести, чтоб ко мне относились хорошо: если я буду выпендриваться, не любить меня будет абсолютно естественно.

Его вкусы отличаются от общепринятых в поколении.

– Пелевин – вообще не писатель. Сорокин (я читал только какой-то один сценарий) просто бездарь. Я Чехова люблю, Солженицына, раннего Фицджеральда. В кино, как это ни смешно, – Феллини, Бергмана, Курасау.

В будущее смотрит трезво.

– Если не будет получаться, придется переключиться на что-то другое. Быть малоталантливым сыном замечательного режиссера – не почетно.

На прощанье он дает мне свой e-mail, начинающийся с имени alexsey.german, и на лице его мелькает улыбка человека будущего: «Отцу по электронке все равно никто не пишет...»

Марина ТОКАРЕВА